

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2
2017
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

Турилов А.А. (Москва). Митрополит Киприан и русская культура его времени (новые аспекты проблемы — факты и гипотезы)	3
Журова Л.И. (Новосибирск). Митрополит Даниил и Максим Грек: парадигма творчества	14
Калугин В.В. (Москва). Книги пророков в Библии Матфея Десятого 1502—1507 годов	26
Вернер И.В. (Москва). К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522—1552 годах: хронология, текстология, методология	40
Флоря Б.Н. (Москва). Мартин Бельский о древней истории славян и Польши	55
Кочегаров К.А. (Москва). Евстафий Гиновский-Астаматий и османская власть над Правобережной Украиной в 1677—1678 годах	64
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва). Из наблюдений над термином <i>сноха</i> в древнерусских текстах	85

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Белов М.В. (Нижний Новгород). «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: балканские путешествия 1840-х годов	96
---	----

РЕЦЕНЗИИ

Мартынюк А.В. М. Popović. Mara Branković. Eine Frau zwischen dem christlichen und dem islamischen Kulturkreis im 15. Jahrhundert	113
Белова О.В. Г. Лапацін. Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры	115
Вашенко Д.Ю. К.В. Лифанов. Диалектология словацкого языка	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ганенкова Т.С. Конференция «Старообрядцы в зарубежье III. История, религия, язык, культура»	123
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

M. POPOVIĆ. Mara Branković. Eine Frau zwischen dem christlichen und dem islamischen Kulturkreis im 15. Jahrhundert. Ruhpolding, 2010. 234 S.

М. ПОПОВИЧ. Мара Бранкович: женщина между христианским и исламским культурными мирами в XV веке

Исследование австрийского византиста сербского происхождения Михайло Поповича было подготовлено и защищено в качестве диссертации в Венском университете в 2005 г. На основе диссертации в 2010 г. на немецком языке была издана книга, в 2014 г. последовало сербское издание (*Поповић М. Ст. Мара Бранковић, жена између хришћанског и исламског културног круга у 15 веку. Нови Сад, 2014*).

Героиня книги Мара (Мария) родилась около 1418 г. в семье сербского деспота Георгия Бранковича. В 1436 г. она была выдана замуж за турецкого султана Мурада II — это был классический династический брак, с помощью которого правитель Сербии пытался лавировать среди своих более сильных и опасных соседей. В гареме Мурада Маре удалось установить дружеские отношения со своим пасынком Мехмедом, будущим покорителем Константинополя. После смерти султана Мурада в 1451 г. Мара Бранкович вернулась в Сербию ко двору отца. Вопреки обычаю своего времени, она не ушла в монастырь и не вышла снова замуж (отклонив предложение последнего византийского императора Константина XI). Далее ее судьба приняла неожиданный оборот: в результате междоусобной борьбы в Сербии Маре пришлось в 1457 г. бежать в Османскую империю. Султан Мехмед II Завоеватель принял свою приемную мать «с честью» и наделил владениями, которые позволяли ей содержать

небольшой двор и вести достойное существование вплоть до ее смерти 14 сентября 1487 г. В эти годы «царица Мара» (так ее называли сербские источники) развила активную деятельность: выступала посредницей в дипломатических сношениях с соседними государствами, вела широкую благотворительную деятельность, при этом особенно тесными были связи Мары с афонскими монастырями. В историю православной культуры Мара Бранкович вошла благодаря знаменитым «дарам волхвов»: по легенде именно она передала их монастырю св. Павла на Афоне.

Незаурядная судьба Мары Бранкович неоднократно привлекала как литераторов, так и исследователей, прежде всего сербских. М. Попович поставил перед собой задачу написать новую биографию Мары, учитывающую все доступные источники и отвечающую современным научным требованиям.

Мара Бранкович жила и действовала на стыке двух культурных миров — христианского и исламского. Может быть, следовало бы даже говорить о трех мирах — исламском, православном и католическом, поскольку Мара поддерживала активные контакты с Венецией и Рагузой (Дубровником). Благодаря этому сведения о Маре Бранкович отразились в широком круге источников, разнообразных по своему языку и происхождению. В своей работе Поповичу пришлось обращаться к сербским, византийским и турецким

хроникам, житийной литературе, письмам (в том числе и письмам самой Мары на сербском языке, адресованным сенату Рагузы), турецким делопроизводственным документам, запискам итальянских дипломатов и путешественников и т.д. Автор достойно справляется с этой сложной и кропотливой работой и как мозаику воссоздает образ Мары Бранкович. Следует отметить введение автором в научный оборот новых источников по теме исследования, в частности, комплекса документов из Государственного архива Венеции (раздел IV).

В формулировке цели исследования автор делает акцент на гендерной проблематике. Гендерные исследования достаточно популярны в современной исторической науке. Однако очень часто «гендер в истории» ограничивается просто фактом обращения к «женскому сюжету» или эмоционально окрашенной констатацией «активной роли» женщины в ту или иную историческую эпоху. Работа М. Поповича выгодно отличается от многих подобных исследований. Во введении к своей книге он вновь поднимает вопрос: что такое гендерное исследование в византистике и каковы его перспективы? Действительно, история Византии богата яркими личностями женщин, сыгравших свою роль в политике, литературе, культуре и т.д. Свою задачу автор видит в том, чтобы ответить на вопрос не «что» (сама по себе событийная канва жизни героини), а «как»: как видели Мару современные ей исторические источники, какие роли ей отводили, какими словами характеризовали ее положение в обществе? Рассматриваемая в работе гендерная проблематика раскрывается через анализ системы социальных ролей (и их изменение) Мары Бранкович: дочь деспота, жена и вдова султана, покровительница монастырей, сначала посредница, а затем и активная участница дипломатических контактов между Османской империей, Сербией, Рагузой и Венецией. Таким образом автору удается нарисовать образ Мары Бранкович в динамике: от пассивного объекта династического торга до влиятельной дамы, «приемной матери султана», оказывающей протекцию венецианским послам и ведущей тайную переписку с сенатом Рагузы. Как своеобразный апофеоз активной роли Мары выступает эпизод с «дарами волхвов», когда она лично хотела ступить на запретную для женщин территорию горы Афон и была остановлена лишь предостерегающим гласом

Богородицы. Безусловно, это легенда — но легенда, приобретающая новый оттенок в рассматриваемом контексте. На взгляд автора данных строк, гендерный аспект исследования Михайло Поповича выдерживает сравнение с классической работой Натальи Земон Дэвис «Женщины на обочине».

Нельзя не отметить раздел книги, посвященный владениям Мары Бранкович в Османской империи. В этой части исследования чувствуется опытная рука сотрудника проекта «Tabula Imperii Byzantini» (проект реализуется Австрийской Академией наук и предусматривает подробное историко-географическое описание различных регионов Византийской империи), прекрасного знатока исторической географии Южной Македонии. Автор с любовью реконструирует владения Мары в городке Ежево и его окрестностях, восстанавливает на основе турецких дефтеров (описей) направления ее хозяйственной деятельности, приводит результаты личного осмотра мест и сооружений, некоторые из которых до сих пор связываются местными жителями с именем «царицы Мары». В этом разделе читателю не хватает последнего штриха — ответа на вопрос о месте погребения Мары Бранкович. Хочется надеяться, что автор еще вернется к этой проблеме и даст ответ на этот вопрос.

Чрезвычайно интересно структурное построение книги и методика работы автора. Медиевистические исследования неразрывно связаны с анализом источников. Нередко это приводит к сложности восприятия текста: исследователю приходится уходить от основной линии повествования и обращаться к анализу источников, проблемам перевода и разночтений, полемике с оппонентами и т.д. В рассматриваемой книге Михайло Попович применяет прием, кажущийся нам достойным внимания. В начале каждого из содержательных разделов книги (II и III) следует краткое резюме (до двух страниц) их содержания и рассматриваемых вопросов. Такой подход позволяет читателю увидеть общее направление мысли автора, а затем следить за системой его аргументации. В специальный раздел вынесен значительный блок документов из Государственного архива Венецианской республики (с. 164–189), которые Попович ввел в научный оборот, что позволяет читателю проверить выводы автора.

Книга написана сдержанным, простым и ясным языком. Автор стремится к точности формулировок и корректному

обоснованию своих аргументов, специально оговаривает дискуссионные и допускающие разные толкования вопросы. Книга снабжена необходимыми сопроводительными материалами: картами, генеалогической схемой, фотографиями мест и объектов, связанных с жизнью героини («башня Мары» в Ежево, современном городе Дафни в Греции). Отдельно необходимо отметить схему, визуализирующую социальные контакты Мары: семья, духовенство, дипломатические контакты и т.д. (схема подготовлена д-ром Йоханнесом Прайзер-Капеллером, коллегой Михайло Поповича по работе в Институте средневековых исследований Австрийской Академии наук). Автору (и читателю) необычайно повезло — у нас есть

возможность взглянуть на прижизненный портрет героини повествования. Речь идет о дарственной грамоте Георгия Бранковича одному из афонских монастырей от 11 сентября 1429 г., на которой изображено семейство деспота, в том числе и его дочь Мара. На читателя книги смотрит строгая темноголазая девочка в богатом златотканом одеянии. «На этой миниатюре одиннадцатилетняя Мара окончательно выходит из анонимности», — пишет автор. Эти слова можно с полным основанием отнести ко всей книге Михайло Поповича, которому удалось нарисовать портрет незаурядной женщины на фоне сложной и интересной эпохи.

© 2017 г. А.В. Мартынюк

Славяноведение, № 2

Г. ЛАПАЦІН. Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры. Гомель, 2015. 248 с.

Г. ЛОПАТИН. Варвара Грецкая как явление белорусской народной культуры.

Предлагаемая вниманию специалистов книга — это исследование фольклорной личности и ее репертуара, выполненное в русле антропоцентрического подхода в лингвистике и фольклористике, дающее ответы на вопросы о том, как работают механизмы коллективной и индивидуальной памяти, как отражается локальная традиция (фольклорная, языковая) в рассказах личности, позиционирующей себя как хранителя этой традиции. Автор рецензируемой книги — сотрудник Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф.Р. Шклярова Геннадий Лопатин поставил перед собой задачу определить, что представляет собой «человек традиции», основным принципом формирования личности которого является принцип: «Ўсё ета бярэцца ад пакалення» (с. 3), а также понять, как фольклорная личность существует внутри родной для нее культуры и одновременно анализирует ее. Еще одной

задачей, которую решает автор, является рассмотрение механизма передачи межкуленческой информации и жизненного опыта: «навесці на пуць», «даць жыццю» — эти установки диалога поколений, выдержавшие проверку временем, не устарели и сейчас (с. 30).

Как отмечает автор во введении (с. 3—17), для своего выживания народная культура формирует в своей среде и выделяет из социального коллектива личности, способные объединять социум песней и обрядом и одновременно в условиях оторванности от коллектива оставаться носителями традиции. Эта особенность самосохранения оказалась чрезвычайно важной для Гомельщины, самобытная народная культура которой оказалась под угрозой исчезновения в результате Чернобыльской катастрофы, уничтожения сотен населенных пунктов и массового переселения жителей в другие регионы Белоруссии. Именно благодаря ярким

личностям традиционная культура сохраняется во времени и выживает в моменты кризисов.

Героиней книги Г. Лопатина стала Варвара Александровна Грецкая, 1925 г.р., уроженка поселка Амельное (бел. *Амяльное*) Ветковского района Гомельской области. В 1992 г. в связи с отселением поселка из зоны радиации переехала в г. Ветку. Именно здесь носитель традиции и собиратель-исследователь нашли друг друга. С 2005 по 2014 г. автор рецензируемой книги неоднократно встречался с В.А. Грецкой и записал от нее поразительный по объему и ценнейший по содержанию фольклорный материал. В репертуаре В.А. Грецкой — песни календарного и семейно-бытового циклов; песни лирические, детские, рекрутские, сиротские; припевки; былички, легенды, приметы, поверья. Не меньший интерес представляют записанные от В.А. Грецкой описания обычаев и обрядов, а также рассказы о жизни, своего рода индивидуальная «устная история». Материалы, записанные от В.А. Грецкой, стали основой многочисленных публикаций Г. Лопатина (с 2007 по 2014 г. им опубликовано 26 статей с многочисленными примерами фольклорных текстов и анализом особенностей языка информанта, который сама В.А. Грецкая характеризует как «калісяшні», «старынны», «амяленскі», «прыродны», «дзеравенскі» — см. с. 4–6).

В книге опубликовано 422 примера, записанных от В.А. Грецкой и объединенных в 42 раздела, посвященных народному календарю и праздникам, семейно-бытовому, скотоводческому и земледельческому обрядам, бытовым приметам и предписаниям, народной метеорологии, народной медицине и заговорам, народнорелигиозным представлениям, народной демонологии, истории и топонимике, песням разных жанров. Амельное и детскому фольклору (с. 31–225). Реально текстов в книге больше, так как под одним номером (с буквенным индексом) могут числиться несколько позиций. Так № 107 «Першы зажон» (с. 94–95) представлен пятью вариантами (а–д); № 108 «Першы сноп» (с. 96) — двумя (а и б); № 201 — о первом выгоне скота (с. 134–135) — пятью (а–д); № 230 — приметы о первом громе (с. 143) — четырьмя (а–г); № 297 «Шаптухі» (с. 169) — шестью (а–е) и т.д.

Фольклорный материал обрамлен двумя статьями Г. Лопатина, посвященными проблемам белорусской народной педагогики, формирования системы ценностей и правил семейного общежития

(на примере семьи Грецких) (с. 18–30) и важной для фольклористики теме соотношения текста и личности, исполнителя и носителя традиции (с. 226–235; особенно ценными представляются примеры автокомментариев рассказчицы к описываемым ею фрагментам этнографической действительности; не менее ценными оказываются фрагменты интервью, сопровождающие фотографии из семейного альбома — визуальные образы дополняются рассказами из жизни, комментариями по поводу различных деталей — одежды, прически, предметов быта и т.п.).

В книге представлена своеобразная энциклопедия жизни белорусской деревни Амельное, увиденная глазами ее жительницы и спроецированная на личный опыт члена сельского микросоциума. Знакомясь с рассказами В.А. Грецкой, читатель может получить представление, как через личное восприятие действительности и истории формируется индивидуальная картина мира, отражающая в то же время типичные черты белорусской народной культуры, ее универсалии и региональные особенности. Важен также межпоколенческий опыт, передаваемый внутри семьи, и уникальный пример семьи В.А. Грецкой служит тому подтверждением — непрерывная традиция прослеживается на протяжении семи поколений — от прапрапрабабки Варвары Александровны до ее сына. В своих рассказах В.А. Грецкая апеллирует к жизненному опыту старших поколений своей семьи, цитируя высказывания матери и бабки (от которой она усвоила основы народной мудрости мировосприятия), прилагая их к традиционным сюжетам (например, к легенде о колосе и о наказании людей за неуважение к хлебу или к песням, исполняемым во время обряда «Стрела») (с. 7–10). Традиционное начало ее нарративов: «Баба калісь казала...», «Баба і гаворыла...», «Ўсё баба наша гаварыла...» связывает воедино опыт разных поколений одной семьи; точно так же семейные ритуальные практики сохраняют актуальность для представителей разных поколений. По воспоминаниям В.А. Грецкой, ее бабушка прятала вычесанные перед Рождеством волосы под стену дома, чтобы плодилась домашняя живность: «Як калядныя косы двара пільнуюца, штоб так нашы куры і свінні, уся худоба двара пільнавала. Штоб мы не выходзілі, ізда не выганялі ні авечак, ні кароў. Штоб самы заходзілі». Описание акционального ряда Варвара

Александровна сопровождает заговором из семейного репертуара (с. 39–40).

Уникальность подборки текстов также в том, что по сути перед нами — монолог диалектоносителя, рассказ о себе внутри традиции. Вот пример переживания обрядовой реальности на личном опыте: нарушение рассказчицей запрета штопать или ставить заплатки на Коляды оборачивается появлением в хозяйстве слепых цыплят (с. 38–39). Общеизвестная примета — кот умывается к приходу гостей получает двойственное истолкование в связи с событиями в семье (если кот умывается «ад дзвярэй у хату», придут гости, а если «на дзверы ўмываіцца», то это сулит утрату: именно так кот «вымываў з двара хазяіна», предвещающая смерть отца Варвары Александровны) (с. 125). Индивидуальные и очень личные отношения складываются у В.А. Грецкой и с персонажами народной демонологии. Помощником в различных ситуациях (найти дорогу в лесу, вернуть потерянную вещь, набрать много ягод) становится *Чорцік Іванька*, которому адресуются просьбы о помощи: «Чорцік Іванька, пакажы нам дарогу!», «Чорцік Іванька, памажы мне! Аддай мне! Бяры сваё!» (с. 165–166).

Любопытный пример формирования индивидуального поверья демонстрируют тексты № 102 и 103 (с. 91–92). По словам В.А. Грецкой, на Яблочный Спас, когда освящают яблоки, умершие некрещеными дети также получают свою долю благодати: «Мацерь Божая кала рэчкі хадзіла і ўсіх дзетак хрысціла і Бога прасіла» (с. 92). Это представление основано, скорее всего, на тексте известной В.А. Грецкой народной молитвы, приуроченной к празднику Спаса и перенятой от бабушки: «На Спаса Мацерь Божая каля рэчкі хадзіла, / Неахрышчаных дзетак за ручкі вадзіла. / Божья Мацерь к рэчкі падхадзіла / І Госпада Бога прасіла: “Нада нам у чыстай рэчыцы / Дзетак пахрысціці ў вадзіцы”...» (с. 91).

Исследования репертуара и языка «фольклорной личности» достаточно разработаны в славянской фольклористике и этнолингвистике — предметом изучения становятся песни и рассказы матерей и бабушек исследователей, репертуар ярких представителей отдельных локальных традиций, а также опыты самоописания народной культуры, словари диалектной языковой личности и словари отдельных семей (см. с. 6–7, а также [1–8]). Но, как подчеркивает Г. Лопатин, случай В.А. Грецкой уникален в том смысле,

что впервые от одного информанта зафиксирован весь фольклорно-этнографический комплекс населенного пункта (с. 7), и, добавим от себя — весь материал представлен в аутентичной форме (сохранены диалектные особенности речи рассказчицы), без сокращений или авторского пересказа (ограниченность объема журнальных публикаций иногда вынуждает к этому исследователей [9; 10]). Ценность языкового материала бесспорна — речь рассказчицы не только богата диалектной лексикой и фразеологией, например: *мяртвячая Паска* ‘Радуница’ (с. 127); *чарціны брак*, *чорту ў зубы далася* ‘внебрачная связь’ (с. 123), *злыдні* ‘цветы-сорняки’ (с. 113), ‘дармоеды’ (с. 133); крайне интересны наблюдения В.А. Грецкой над отдельными словами и выражениями, а также постоянное сравнение речи жителей Амельного с речью жителей соседних деревень. В перспективе материалы, записанные от Грецкой, могут стать основой для составления словаря диалектной личности.

И здесь следует отметить, что лексический фонд индивида должен быть описан без купюр — ведь в языке культуры органично сочетается нормативная и экспрессивная лексика и нередко обценные (с точки зрения литературного языка) термины несут в себе архаические смыслы. Поэтому можно только пожалеть, что высказывания о внебрачных детях оказались «отцензурированы» и экспрессивные номинации женщины, родившей внебрачного ребенка, скрылись за многоточием (с. 108).

Для фольклористов и этнографов оказываются чрезвычайно интересны локальные формы традиции, описанные в рассказах В.А. Грецкой. Так, ее память сохранила такую уникальную установку традиционной культуры, как жесткая приуроченность исполнения обрядовых песен ко времени проведения обряда — для каждой песни есть определенное время в определенном периоде календарного года: масленичные песни предписано исполнять на масленицу, колядные — на святки, постовые — в пост. Иначе, по словам В.А. Грецкой, которые она усвоила от своей бабушки, «ім [песням] больша будзя, што вы не воўрэмя паяцё [...] Грэх! Няльзя пець жніўня вясной [...] Каждаі песні ё пара года» (с. 13). В связи с этим вспомнилось, как однажды в одной из Полесских экспедиций в конце 1970-х годов, будучи студентами-первокурсниками, мы очень удивились отказу одной из наших собеседниц спеть колядку (экспедиция проходила в июле)... По замечанию Г. Лопатина,

глубинная связь между песней и порой года проявляется в понимании того, что за каждой порой года стоит свое Божество: *Каляда*, *Маслінка*, сама *Вясна*, которым обязательно надо отдать дань в виде песни или обряда (см. с. 13). Нам кажется, что это утверждение является искусственным авторским конструктом и не передает традиционного мифологизированного восприятия связи обрядности и действительности (повседневности). В связке «обряд — пора года» скорее проявляется отношение к обряду как к залогому упорядоченности бытия, обеспечивающему преобладание космоса над хаосом. Именно об этом говорят народные легенды, во многих вариантах зафиксированные еще в XIX в. (в частности, на Гуцульщине): мощными берегами, способными предотвратить конец света, являются раскрашивание яиц к Пасхе, разжигание костров в Чистый четверг, колядование на Рождество [11. С. 136]. И приводимый далее в книге Г. Лопатина пример (с. 13–14) свидетельствует ровно о том же: соблюдение обрядов является залогом стабильности жизненного уклада, оберегает социум и вселенную от катастроф — в 1992 г., накануне отселения жителей Амельного из Чернобыльской зоны, В.А. Грецкая вместе со своей односельчанкой провели обряд вождения и похорон «Стрелы» (*Стралы*), который издавна («спрад веку») исполнялся в этой местности; последние жители Амельного провели этот обряд и для себя («дзеля сябе»), и для «Стрелы», как бы сохраняя и забирая с собой свою традицию.

Подробное описание обряда «Стрела», сделанное со слов В.А. Грецкой, приводится на с. 67–84. Этот региональный вариант будет интересен исследователям как яркий маркер весенней обрядности восточной Гомельщины, дополняющий материал, представленный в гомельском томе серии «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў» [12. С. 231–235].

Пример трансформации традиционного обряда под влиянием внешних обстоятельств представлен в тексте № 64 об освящении пасхальных яиц. Во время войны церковь в Амельном была сожжена немцами, но способ поддерживать обряды освящения пасхальной пищи был найден: ранним утром бабушка В.А. Грецкой выносила крашенные яйца на двор, чтобы их окропил дождь (или роса): «Во, ужо Гасподзь Бог пасвяціў усім» (с. 64). Представляется, что способы и механизмы такой имитации ритуала требуют дальнейшего исследования.

Интересный фрагмент народной де-монологии представлен в трех вариантах рассказов о Красной ноге (№ 300 а–в, с. 170–171), которой взрослые пугали детей, чтобы те не кричали, не дрались, не гуляли допоздна (принимая во внимание, что о Красной ноге В.А. Грецкая слышала еще от бабушки, «датировка» этого образа может быть отнесена к 1930-м годам). Этот персонаж, схожий со всякого рода разнобразными «красными» и «черными руками», «зелеными пальцами» детских страшилок, ставших популярным жанром с 1960-х годов, доказывает, что персонажный ряд детских «страшных историй» старше, чем мы привыкли думать.

Говоря об особенностях таких «элитарных» личностей из народной среды, Г. Лопатин отмечает не только осознание ими ценности и богатства хранимой традиции, но и коренную связь со своим репертуаром. Ведущая песенница («пясённіца») Амельного, В.А. Грецкая говорит о неразрывной связи песни и исполнителя — «людзі паміраюць, і песні паміраюць тыя». Так из семьи Грецких ушла песня «Насечка», которую целиком знала только старшая сестра Варвары Александровны и не успела никому ее передать. И потому хранители традиции щедры и готовы поделиться сокровенным: как сказала В.А. Грецкая, «із душы вынула — расказала» (с. 16).

Богатство фольклорной личности выражается и в широте сознания: человек не делает абстрактных обобщений и не высказывает голословных измышлений; в его повествовании все основано на собственных жизненных воспоминаниях, но при этом ощущается и «государственный подход», когда перипетии семейной жизни и личной истории воспринимаются и оцениваются сквозь призму государственных событий. «Сям'я — ета малінькая гасударства...», — так говорила бабушка Варвары Александровны, поминая при этом Петра Первого как государственного отца (с. 28). Так личный опыт становится неотъемлемой частью всего того, что происходит в стране и в мире, в житейских размышлениях появляются исторические деятели, которым нередко дается нелицеприятная оценка с точки зрения «народной социологии». В рассказах В.А. Грецкой фигурируют Ленин, Сталин, Фидель Кастро, Маргарет Тэтчер, Машеров и Горбачев, «разваливший» Советский Союз подобно нерадивому отцу, бросившему на произвол судьбы большую семью («ён такую страну кінуў [...] наш мошны Савецкі Саюз [...]»

Таво шта дурачок — Мечаная галава. Стра-на, як сям'я бальшая. А ён хляпнуў, да пай-шоў [...] Во Расія ўжо аддзельна, Беларусь аддзельна» — с. 28).

Специалисты, безусловно, высоко оценят содержательную сторону записей рассказов В.А. Грецкой. Однако фольклорно-диалектные тексты для полноценного введения их в научный оборот требуют комментария исследователя. Особенно это касается случаев, когда фиксируется раритетная — узколокальная или уникальная информация. В связи с этим обратим внимание, например, на № 238 (с. 145) — рассказ о том, что означает радуга на небе: цветные полосы — это «дороги», которые Бог простирает перед разными народами («черная» полоса — к несчастью, «синяя» — к войне и т.п.). Помимо того, что такая трактовка радуги демонстрирует общий философский настрой нарративов В.А. Грецкой, которые касаются исторических событий и вовлеченности каждого человека в «большую» историю, рассказ содержит отголосок редкого сюжета о ритуальном убийстве стариков (по международной классификации фольклорных сюжетов — ATU 981): согласно представлениям В.А. Грецкой, есть некая «нация лихая», у которой принято «свозить» куда-то престарелых родителей, обрекая их на голодную смерть (именно об этом свидетельствуют темные полосы радуги). «Убийство стариков» — широко известный мотив преданий, бывальщин, сказок и поверий, записанных в Европе, Азии и Африке. В настоящее время известно более 250 записей данного мотива у восточных и южных славян, а также у поляков. Долгие годы в антропологии шли споры относительно того, в какой мере этот сказочный мотив отражал реальную практику умерщвления стариков (из недавних работ см. [13]. Фрагментарное упоминание В.А. Грецкой этого мотива (он спонтанно возникает в рассказе о радуге, суть мотива почти не просматривается) является еще один пример его бытования в белорусском фольклоре (хотя уже в сильно трансформированном виде); адекватное же восприятие мотива в контексте нарратива возможно только с сопроводительным комментарием.

Хотелось бы также предостеречь публикатора от невольно привносимой в тексты Грецкой мифологизации, что иногда происходит не за счет интерпретации содержащейся в тексте информации, а за счет графического воспроизведения устной записи. Так, в тексте № 294 б (с. 168) перечисляются проклятия, бытовавшие

в речевой практике жителей Амельного и соседних деревень: «ідзі ты к чорту», «штоб цябе хляўнік забраў», «штоб цябе Пярун забіў». Ничем не обоснованная графическая передача слова *пярун* с прописной буквы заставляет думать, что за этим названием стоит имя собственное мифологического персонажа (если не самого языческого бога грозы Перуна), однако содержанием текста это не подтверждается, ведь далее в ответ на уточняющий вопрос о значении данного слова информантка четко отвечает, что это гром (публикатор при этом по-прежнему передает лексему с прописной буквы, словно бы настаивая на ее «мифологической» семантике): «[Пярун — гэта што?] Гром. Там, ці сусед, ці што... “Штоб яго Пярун забіў!” Я і ета пытала: “Мама, а што-та за Пярун?” — “Ну во, граза, гром”. А ў нас гром звалі, а ў іх Пярун» (с. 168).

Несколько замечаний касаются расположения текстов внутри разделов. Тематический принцип презентации материала не всегда выдержан последовательно. Так, в рубрике «“Прыспаныя” дзеці» (с. 109) текст № 143 действительно описывает ситуацию, когда мать по неосторожности придавливает во сне грудного младенца. Однако наличие в этой же рубрике следующего примера (№ 144) вызывает недоумение: в тексте речь идет о вредоносной способности односельчанина, которого в детстве дважды отнимали от груди, к сглазу («дзеці етыя вырастаць дужа урошлівыя» — перед нами вариант широко распространенного в славянском мире поверья, см. [14. С. 566]), и к «прыспяшчым» детям этот сюжет отношения не имеет. В разделе, посвященном вещам, которые принадлежали покойнику, находим текст (с. 131, № 193) о том, что покойника в могилу следует класть «на ўсход сонца», но данному примеру место скорее среди свидетельств о том, как снаряжают и хоронят умершего (с. 126).

Монолог носителя традиции, безусловно, важен и интересен для диалектологического и текстологического исследования, но материал нуждается также в структурном и теоретическом анализе, в соотношении репертуара личности с общебелорусским (и шире — восточнославянским) фондом сказочной прозы и песенного фольклора. Если публикатор поставит себе такую трудоемкую задачу на будущее, это станет весомым вкладом в фольклористику и этнолингвистику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Климчук Ф.Д.* Духовная культура полесского села Симоновичи // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
2. Песни казаков-некрасовцев в исполнении Анастасии Никулушкиной / Сост. В.М. Щуров. М., 2011.
3. Рассказы о жизни / Публикация Т.Б. Юмсуновой // Живая старина. 2004. № 4.
4. Народный этнодиалектный словарь / Публикация А.П. Минаевой // Живая старина. 2002. № 3.
5. *Королёва Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский р-н Псковской обл.). М.; Daugavpils, 2000. Ч. 1–2.
6. *Королёва Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский р-н Псковской области). Daugavpils, 2013.
7. *Лютикова В.Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
8. *Фельде О.В.* Словарь и жизнь. Рец. на кн. «Полный словарь диалектной языковой личности» / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск, 2006–2012. Т. 1–4 // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1.
9. Быт вологодской деревни в устных рассказах / Публикация Д.М. Савинова // Живая старина. 2004. № 4.
10. *Михайлов С.С.* Гуслицкая деревня Анциферово в рассказах старожила // Живая старина. 2004. № 4.
11. *Белова О.В.* Славянские библейские легенды: вербальный текст в контексте обряда // Славянский и балканский фольклор: Семантика и прагматика текста / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2006.
12. Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе / Ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеевай. Кн. 1. Мінск, 2012.
13. *Раденкович Л.* Убиение стариков // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5.
14. *Кабакова Г.И.* Грудь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1.

Работа выполнена в рамках проекта «Образ человека в языке и культуре славян» (РФФИ 16-04-00101).

Славяноведение, № 2

К.В. ЛИФАНОВ. Диалектология словацкого языка. М., 2015. 84 с.

Знание любого иностранного языка предполагает не только владение литературной нормой, но также наличие базовых сведений о его социальных, а также территориальных вариантах. Словацкий язык в России изучается в рамках университетского образования, где учебная программа по соответствующей специальности предусматривает включение обширного курса по словацкой диалектологии в курс истории словацкого языка. Вместе с тем специального учебника по соответствующей дисциплине до сих пор не существовало, и учащимся приходилось опираться исключительно на лекционные записи. В этом контексте тем более ценным представляется появление русскоязычного пособия по словацкой диалектологии, автором которого является авторитетный специалист в данной области, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филол. наук К.В. Лифанов. Книга эта сравнительно невелика

по объему, но чрезвычайно информативна, так как в ней в лаконичной форме сконденсированы все основные сведения на соответствующую тему. Объем материала, который подлежит освещению, строго ограничен — это те говоры, которые расположены на территории Словацкой Республики. Помимо смешанных говоров, находящихся на соседних со Словакией территориях (таких, как моравско-словацкие), за пределами авторского внимания лежат также анклавные словацкие говоры в Венгрии, Сербии и Румынии в силу гетерогенного характера последних, а также в силу того, что данные говоры подвержены влиянию контактирующих языков.

Пособие открывает вводная глава «Формирование диалектов словацкого языка», в которой приводится краткий экскурс в историю словацкого языка, рассматривается формирование словацких диалектов. Показано, что словацкие диалекты являются генетически гетерогенными, истоки различий между ними относятся еще

к праславянскому периоду. Автор при этом излагает точку зрения, наиболее распространенную именно в словацкой лингвистике (в частности, ее придерживался известный историк словацкого языка Р. Крайчович), — эта позиция состоит в том, что словацкий язык формировался в результате интеграции разных в генетическом отношении славянских диалектов, при этом Лифанов пишет, что среднесловацкий диалект по многим своим характеристикам противопоставлен западнословацкому и восточнословацкому, резонно отмечая, что целый пласт явлений в нем относится еще к периоду дифференциации праславянского языка, и находит параллели главным образом в южнославянских языках. Автор констатирует отдельную специфику западнословацких говоров, лежащих за карпатской дугой (загорских говоров).

Затем Лифанов последовательно прослеживает в диахронии развитие процессов, которые привели к дальнейшему обособлению друг от друга словацких говоров, выделяя несколько периодов: X—XI вв., XII—XIII вв., XIV—XV вв., и период после XV в. Впрочем, как замечает исследователь, в период после XV в., сколь-нибудь существенных изменений, предполагавших дальнейшую дифференциацию словацких диалектов, не наблюдается. Автор пишет, что на процесс развития словацких диалектов оказывали влияние факторы экстралингвистического порядка, такие, как средневековое разделение словацкой этнической территории на комитаты в рамках Венгерского королевства. К.В. Лифанов справедливо замечает, что в истории формирования словацких диалектов, в силу в том числе культурно-исторического контекста, имели место процессы не только дивергентного, но также конвергентного свойства.

Далее следует глава обзорного характера «Классификация словацких диалектов», где приводится общая классификация и предварительная характеристика словацких диалектов. Вначале названы черты, общие для всех словацких говоров как таковых и обособляющие их от говоров других славянских языков, такие, как наличие фонологически долгих гласных, реализация закона ритмического сокращения, позиции палатализации парных согласных по твердости-мягкости перед гласным *e*. Затем следует рассмотрение тех черт словацких диалектов, которые связаны с полной либо неполной реализацией данных опорных

черт соответственно в среднесловацком, западнословацком и восточнословацком диалектах. После этого, следуя логике изложения от общего к частному, К.В. Лифанов приводит характерные праславянские рефлексy, а также отдельные более поздние явления, которые дифференцируют между собой диалекты современного словацкого языка.

Следующие три главы посвящены описанию трех основных словацких диалектов — среднесловацкого, западнословацкого и восточнословацкого. Порядок расположения глав обусловлен степенью удаленности конкретного диалекта от кодифицированной формы языка. Описание каждого диалекта выстроено по схеме, которая имеет следующий вид: а) общая характеристика диалекта, включающая в себя географическую и социально-административную территорию распространения диалекта, наиболее крупные города, в которых он функционирует, группы говоров, которые противопоставлены друг другу в его составе; в) характерные особенности его фонетической системы (вокалической и консонантной); с) специфические черты его морфологической системы. После рассмотрения признаков, которые отличают весь диалект как таковой, Лифанов приводит краткое описание отдельных говоров диалекта, фиксируя их наиболее яркие дивергентные черты. Среднесловацкий диалект, в силу его специфики, описан более подробно, в соответствующую главу отдельной рубрикой включено также рассмотрение фонетических и морфологических черт не западнославянского происхождения в данном диалекте. В изложении присутствует система отсылок к диалектным картам, которые приведены в конце пособия.

Далее следует глава «Образцы анализа диалектных текстов», где автор приводит примеры того, как диалектные тексты следует анализировать, — главу открывают вводные замечания, касающиеся специфики анализа диалектных текстов, моментов, которые могут привести конкретного исследователя к ошибке, и факторов, на которые при анализе следует обращать внимание в первую очередь. Далее Лифанов на примере трех диалектных фрагментов — западнословацкого, среднесловацкого и восточнословацкого демонстрирует, как стоит выполнять разбор диалектного текста, показывая, какой анализ будет методологически адекватным и информативно достаточным. Затем расположен сравнительно (в масштабах книги)

обширный иллюстративный материал, всего 50 текстов. Состав образцов является достаточно полным и представительным, поскольку сюда включены практически все словацкие говоры. Приведенные тексты могут быть использованы как в качестве материала для анализа на семинарских занятиях по словацкой диалектологии, так и для самопроверки в процессе подготовки к экзамену. Для неспециалистов указанные образцы могут послужить иллюстрацией конкретной, живой речи и будут способствовать более глубокому закреплению сведений, представленных во всем предыдущем изложении.

Завершает книгу список рекомендуемой литературы, включающий в себя одиннадцать позиций, к числу которых относятся труды классиков словацкой диалектологии и диахронической лингвистики, таких, как Р. Крайчович, К. Палкович, Э. Паулини, Я. Станислав, З. Штибер, Й. Штолц. Также в число рекомендаций к прочтению исследований включены работы современных словацких исследователей — Д. Сланчовой, М. Соколовой и И. Рипки. Естественно, данный список не является исчерпывающим, но в плане введения в проблематику и знакомства с основополагающими для дисциплины трудами здесь, безусловно, приведены наиболее значимые исследования.

В конце пособия даны три цветные карты. На первой отражено деление словацкого языка на диалекты — они выделены разными цветами и диалектов на говоры — они обозначены цифрами. Отдельно маркированы территории смешанных говоров, а также область проживания словацких венгров, которые говорят на генетически и типологически отличном языке. На второй карте приведено современное административное деление Словакии на края, каждый край выделен как графически, так и отдельной цифрой, у каждого указана его столица. На третьей карте — также с параллельным использованием графики, нумерации и указания столицы — обозначены исторические комитаты на территории Словакии — у столиц комитатов названия приведены в их современной,

словацкой форме (Штурово — Паркань, Шаги — Ипойшаг и т.п.).

Пособие адресовано широкому кругу специалистов и может быть использовано сразу в нескольких различных сферах. Во-первых, курс диалектологии словацкого языка предусмотрен учебным планом по специальности «Славянские языки» — это касается как непосредственно студентов, для которых словацкий язык является основным изучаемым языком/вторым славянским языком, так и тех, кто получает о словацком языке опорные знания в рамках введения в славянскую филологию. Во-вторых, книга может оказаться очень полезной для специалистов-диалектологов, которые имеют дело с полевыми записями различных славянских диалектов, в том числе пограничных зон, где познания в словацкой диалектологии могут оказать существенную помощь при интерпретации тех или иных языковых явлений. В-третьих, знание диалектов словацкого языка является необходимым условием для адекватного прочтения в оригинале произведений словацкой художественной литературы, поскольку в словацком языке, где диалекты в целом сохранились хорошо, моделирование диалектной речи часто используется для стилизации и придания речи персонажей локального колорита (ср. рассказы Я. Боденка, М. Зимковой, произведения Ш. Моравчика и других, а также произведения классиков словацкой литературы, таких, как Г. Гавлович, Й.И. Байза, Ю. Фандли, Я. Голлый). В-четвертых, книга будет необходима людям, далеким от филологии, — те, кто ездит в Словакию с рабочими или туристическими целями, часто сталкиваются с тем фактом, что разговорная речь жителей конкретного населенного пункта, особенно на западе и востоке страны, может очень существенно отличаться от литературной. Пособие в этом смысле может предоставить общую ориентацию в конкретном говоре, что, в свою очередь, сделает коммуникацию с местными жителями более успешной.

© 2017 г. Д.Ю. Ващенко